

НАША СТРАНА

Год издания—55-й. Буэнос Айрес, суббота 14 декабря 2002

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 14 de diciembre de 2002 N° 2727-2728

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

ПРАВЫЙ ДОРОШЕВИЧ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Г. МАКРИДИ-СТЕНРОСА

“Я буду краток и красноречив”

В. Дорошевич

Монархическое мировоззрение А. Г. Макриди было нутряным, органичным. Как и Солоневич, Анатолий Григорьевич чурался всякой идеологии, доверяя своему чутью, своему здравому смыслу. Он был публицистом Божьей милостью, с ясным умом, смелостью взглядов, обостренным чувством современности, который о самых сложных вещах умел писать доходчиво, ясно, понятно.

Оформление его статей, фельетонов и очерков, — равно как и предлагаемых сегодня читателям доселе неопубликованных афоризмов — раскраска их остроумием, несут в себе печать меткой наблюдательности, у него ловкая, выпуклая постановка мысли. Афоризмы эти также являются публицистикой; ведь согласно Далю публицист — это газетный, журнальный писатель. Основа же публицистики — глубокое, тонкое и точное мышление. Она также требует способность видеть факты и явления в их связи с окружающим.

Всем этим требованиям отвечают макридиевские афоризмы, преподносящие серьезную мысль в доступной, занимательной, остроумной форме. Ценность этих афоризмов заключается в объединении художественного и публицистического начала, в воздействии на ум и сердце читателя.

В публицистике Макриди не только — страсть, огонь, широкая эрудиция, профессиональная изобретательность в подаче материала, но и большой жизненный опыт.

Пятнадцатилетним кадетом 1-го Московского Екатериненского Корпуса, успевший быть раненым в рядах белого Семилетовского партизанского отряда, участник 1-го Ледяного гене-

рала Корнилова похода, художник, фотограф; редактор достигшей 200-тысячный тираж рижской антикоммунистической газеты “За Родину”, корреспондент Солженицына, А. Г. Макриди вложил в свои афоризмы как своеобразие взгляда на

все-таки наиболее удавшийся ему жанр — фельетон, где доминирует сочный юмор с лукавинкой. Каждый же его афоризм является как бы сконцентрированным в одну фразу фельетоном.

Макриди умеет обраба-

го того, что создает специфическое “макридиевское” мировосприятие.

В “Копилке” ощутима основная солоневическая тенденция: обличение лицемерия и косности, протест против безмозглости и вздора. С этих строк на нас глядит лишенный неприятного энтузиазма, спокойный, умный скептик, тонко улыбающийся себе в усы.

Тягучее словоблудие, трусливая двусмысленность — все это ему претит. Он пишет взвешивая каждое слово: сжато и крепко.

Неприятие высоких и громких выражений, торжественных клятв потерявших свое значение, свидетельствует о стремлении Макриди сохранить “душу живую” в душной атмосфере эмигрантского безвременья.

Калейдоскопичность русской жизни за рубежом не могла не отразиться на творчестве публициста. И все-таки, главная тема — России, ее настоящего и будущего — звучит отчетливо, волнующе. Более двадцати лет назад он уже высмеивал то, что теперь именуется совковостью.

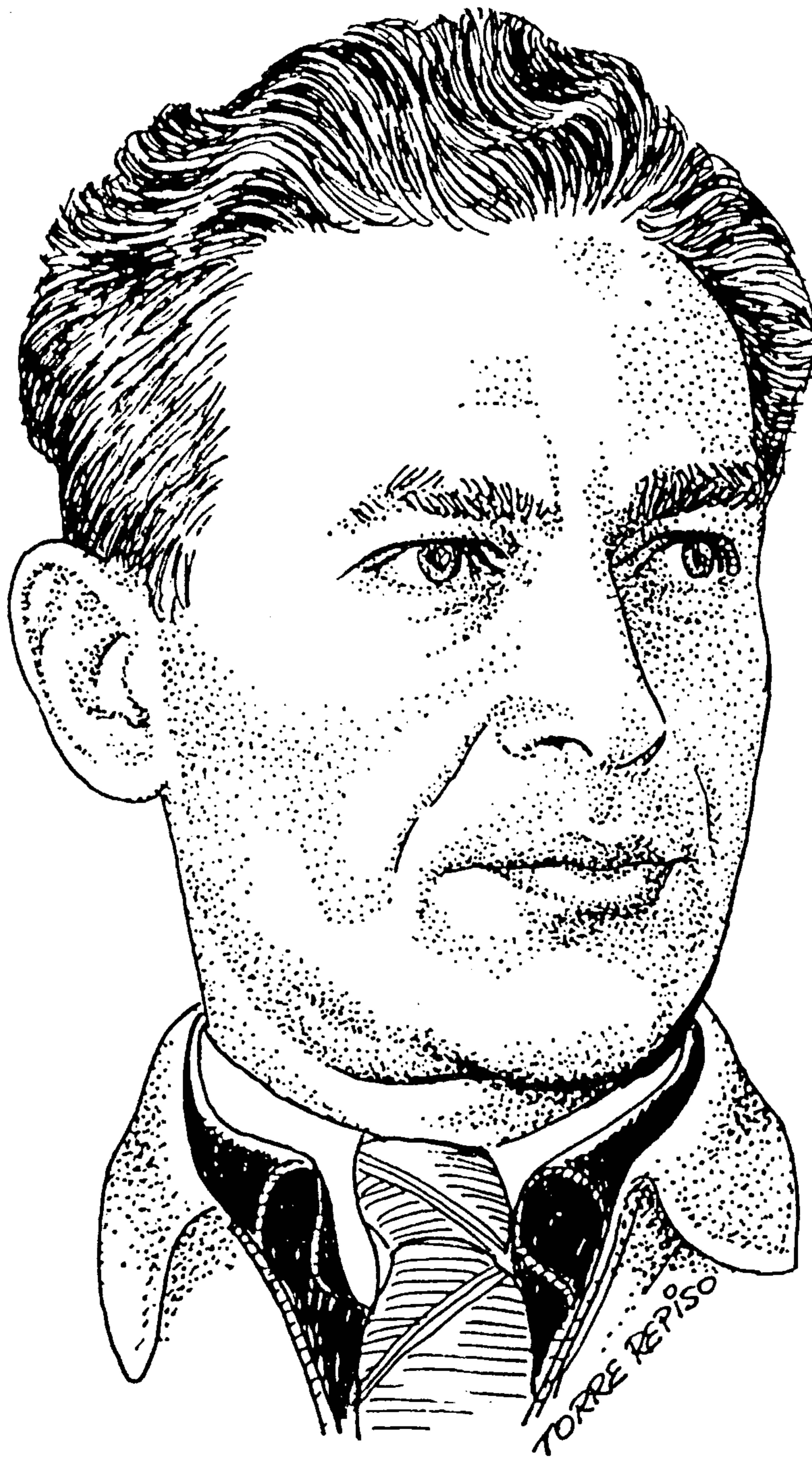
А во время войны, своей книгой “Заря взошла на Западе” он удостоился острого поношения со стороны Ильи Эренбурга, посвятившего целый подвал в “Правде” злобной рецензии.

Генерал П. Н. Краснов писал, что книга А. Г. Стенроса-Макриди, изображающая смятенную Москву в дни начала советско-германской войны, стоит на одном уровне с трудами “Солнце мертвых” Шмелева и “Царство Антихриста” Мережковского, и их дополняет.

В “Копилке” же он показывает себя мастером разящего сарказма и филигранно отделанной фразы.

Сто лет после его рождения, 20 лет после его смерти, творчество Анатолия Григорьевича сверкает наперекор пошлости и фальши.

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

1902-1982

жизнь, так и своеобразие строения фразы.

В статьях скончавшегося в 1982 году в Австралии сотрудника “Нашей Страны” можно встретить и политический анализ, и исторический этюд, и раздумье. Но

тывать факты сатирически, причем так, что сам факт остается неизменным. Все, что ни писал Макриди отмечено самобытностью и в лексиконе, и в системе образов и в логике композиционного построения — все-

КОПИЛКА

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ ЗА РЕТУШЬЮ

* Завещание: дом и земля **под ним**.

* Диктатура демократии.

* Трусость гонит одних с поля битвы, других в бой; первые боятся умереть, вторые — опозориться. В обоих случаях страх — движущая сила. Для большинства, страх перед позором сильнее страха смерти.

* Нравственность, это — честность перед самим собой.

* Это мне нужно как рыбе полотенце!

* Безбилетные пассажиры общественного движения.

* Лавров то еще на копейку, в суп нехватает, а он на них уже "почил".

* Свобода, это — добровольное подчинение.

* Философия — тришкин кафтан; замена одного противоречия новым; опровержение одной аксиомы исходом из другой; умственный онализм.

* Фатализм — ложно понятое предопределение.

* Мужья — крупный и мелкий рогатый скот.

* Мистицизм — склонность к чертовщине; материалистическое восприятие духовного.

* Плохой работник ищет хорошую работу.

* Уверенность иных в неограниченности человеческого ума, лучше всего другого ограниченность доказывает.

* Ребенок: "постельные приночлежности".

* Он пил морковный чай со сладкими мечтами о сахаре. (В Совдепии, конечно).

* Реклама похоронного общества: "Не продолжайте и после смерти огорчать своих родных — страхуйте похороны при жизни!" "Лучший подарок к Рождеству страховой похоронный полис!" Два рисунка. Убитые горем родственники на похоронах или у могилы. Подпись: "он не застраховал похороны при жизни". Другой рисунок: радостные счастливые родственники на могиле едят ice-cream на палочках, рядом стоит scotch. Подпись: "он застраховал похороны при жизни".

* Телефонный звонок: "Я по половому вопросу: когда придти натирать?" Пол не ровный. За "половое извращение" берет

"дороже".

* Человек только тогда, действительно, возвеличивается, когда по настоящему проникается сознанием своего ничтожества.

* Уходя, он хлопнул дверью так сильно, что потом открыть ее уже не смог.

* — Вы женаты?
— Нет, так перебиваюсь.

* — Нишкни!
— А вот возьму и шкну!

* Пятигорск. Из книги для посетителей: "20-го января 1922 года, мы, нижеподписавшиеся, комсомольцы Минераловодского железнодорожного узла, посетили твою могилу, дорогой поэт, убитый белопогонником Мартыновым. Спи спокойно дорогой поэт! Комсомольцы Минераловодского железнодорожного узла продолжат начатое тобою дело".

* Дайте мне профессорское звание, а поглупеть я и сам сумею!

* Выпивая за здоровье других, он разрушал собственное.

* Молодость способна простить все, кроме старости.

* Мужчина ухаживает до свадьбы. За это он требует, чтобы после нее за ним ухаживали всю жизнь.

* — У нашей бабушки родилась еще одна внучка.

* Ищите в людях хорошее, а плохого в нас самих достаточно.

* От голода труднее погибнуть, чем от обжорства.

* Человек молится Богу, а служит дьяволу; получает от Бога, а отдает дьяволу.

* Стрекоза и стрекозел. Басня дедушки Крыленко.

* Изюм всех животных, человек — самое несчастливое: ему позволено догадываться о смысле бытия, но не дано догадаться.

* Все хорошее, что нам дают наши родители, мы оплачиваем их внукам; за все плохое, что мы причиняем нашим родителям, их внуки расплачиваются с нами.

* Профан: — Концерт начался, а огни — потушить забыли! Музыковед: Ничего не началось! Это еще инструменты настраивают.

* — Она совсем не красива, а только притворяется красивой!

* Редакция выражает глубокую признательность авторам, приславшим свой материал. Не приславшим — еще большую.

* Доверие перестает быть рискованным; оно превращается в глупость.

* Он сутулился под тяжестью добродетелей, носителем которых себя считал.

* Он считал себя хорошим человеком, и из одного этого было видно, как он ошибался в людях.

* Ноктюрны Шопенгауэра и центрофуги Баха. Мендельсон в летнюю ночь. Соловецкие пляски.

* Молодость — болезнь, которую излечивает только время, и то не всегда; единственная болезнь, излечение от которой, никогда и никого не радует.

* Бывают умные мысли, высказывать которые глупо.

* Быть умным всякий дурак может, а от глупостей удержаться и сам Соломон не умел.

* пылая взаимной любовью к жене, он жертвенно заботился в первую очередь о том, кто был для нее дороже всех, то есть, о самом себе.

* В капиталистических странах не все одинаково богаты, а в коммунистических — не все одинаково бедны.

* Он никак не мог бросить курить только потому, что никогда не курил.

* Он так боялся умереть, что чуть не умер со страха.

* Липовый поэт, за столом красного дерева, сочинял дубовые вирши.

* Зло мускулистее добра, но тленно; добро беспомощно, но неистребимо.

* Талант — мотор, ум — руль; без мотора далеко не уедешь, но направление выбирает и не руль даже, а тот, кто им вертит.

* От соприкосновения грязного и чистого, последнее загрязняется, но грязное чище не становится.

* Идеальная любовь — такая же нелепость, как и идейная ненависть; духовное мошенничество, подделка, иногда очень ловкая.

* Жадность человека, это его клыки, зависть — когти, но

изо всех хищников, человек — самый глупый, что отмечено полным отсутствием хвоста.

* Для популярности, количество важнее качества.

* Он был писателем начинающим, но не подающим никаких надежд.

* Если не хочешь прослыть дураком, не умничай.

* Там, где рождается мода, умирает искусство.

* Следование моде, убедительное проявление стадного чувства.

* Совесть — дар, который Бог дает душе, как приданое невесте, при ее венчании с телом.

* Он знаменит, как пирожное "Наполеон".

* Он любил пирожное "Наполеон" и этим ограничивалось его знание французской истории.

* У него денег куры не клюют потому что кур не на что купить, да и клевать нечего.

* Дураки, это все, кто нас не понимает и кого мы не понимаем.

* Умные люди, это те, с кем мы во всем согласны, а дураки — кто с нами в чем-нибудь несогласен.

* Быть остроумным, это, помимо всего, — умение отличать хорошую остроту от плохой.

* Истина — правильный вывод из противоречий.

* Он был разборчив, и изо всех кого знал, — любил и уважал только самого себя.

* Собаки, иной раз, не хуже людей грызутся.

* Право ошибаться в людях дано только хорошим людям.

* Лучше быть ничем, чем посредственностью.

* Что может быть унижительнее самовозвеличивания.

* Иное мнение не обязательно ошибка.

* Трудно определить чего в ком больше: в животных человечности или в людях зверства.

* Прогадывает тот, кто жульничает в копеечных делах или честен в пятикопеечных, потому что хорошая репутация пока стоит еще дороже копейки, но уже дешевле пяти копеек.

А. Г. МАКРИДИ-СТЕНРОС

Р. ПОЛЧАНИНОВ

СМЕНА ВЕХ?

(ДИСКУССИЯ НАСЧЕТ НТС)

В статье “Смена вех?” в отделе “Миражи современности” в “Нашей Стране” номер 2707-2708 Е. Веденеева пишет, что “судя по “Посеву”, солидаристы теперь внутри Эрефии, все более склоняются к совместным действиям с различными монархическими организациями” и добавляет:

“Хотя и остается тогда не без горечи спросить себя, зачем же НТС так долго, и так ожесточенно боролся в эмиграции именно с монархистами?”.

Мне, как члену НТС с 1936 г. трудно в это поверить. Мне кажется, что Союз не мог ни “долго”, ни “ожесточенно” бороться в эмиграции с монархистами, так как большинство членов Союза были монархистами.

Помню, в 1930-х годах был проведен анонимный опрос, кем себя считают члены Союза. Помню, что большинство назвало себя “непредрешенцами”, а меньшинство — монархистами.

Думаю, что сегодня, спустя 70 лет, мало кто знает, кто такие “непредрешенцы”. Непредрешенцами называли себя те, кто был готов подчиниться воле народа, свободно выраженной в Учредительном Собрании. Мой отец, будучи монархистом, называл себя непредрешенцем в силу воинской дисциплины. Одной из целей Белого Движения было проведение Учредительного Собрания; и в Белой Армии, и потом в РОВСе полагалось считать себя непредрешенцами, хотя белое офицерство, почти сплошь, было за монархию. В Сараеве я знал только одного белого офицера, который был республиканцем — одного, из примерно двухсот!

В 1930-х годах членами НТСНП были либо младшие белые офицеры, либо, если говорить о Югославии, бывшие кадеты. Союз был в те годы кровь от крови и плоть от плоти РОВСа, в котором полагалось быть непредрешенцами.

В 1937 г. в Сараево был переведен с повышением по службе председатель Союза В. М. Байдалаков. Фактически это было ссылкой, сделанной по требованию СССР, с которым Югославия в конце 1930-х годов шла на сближение. У нас было много разговоров, в том числе и на скаутские темы. Виктор Михайлович, казак, белый офицер и монархист, задал мне однажды такой вопрос:

— Не понимаю, как можете

вы (он имел в виду сараевских скаутских руководителей Мартино, Пелипца, Мулича и меня) с таким почтением относиться к этому “земгусару” Агапову?”.

Я, конечно, переспросил, кто такие “земгусары”, на что Виктор Михайлович ответил, что в Союзе так называют “земгорювцев” — членов “Объединения земских и городских деятелей”, одной из левых организаций Зарубежья, к которой принадлежал Агапов.

Вообще надо сказать, что Виктор Михайлович не жаловал левых, назвав однажды одного либералом и далее, показавки, не очень цензурно. Другого он назвал “интеллигентом в галошах и с зонтиком”. В офицерской среде так называли левую интеллигенцию, для которой было еще одно оскорбительное название — “шпак”. Дело в том, что военные не имели права носить ни галоши, ни зонтики и эти две вещи, как бы являлись символами штатских людей.

Виктор Михайлович считал, что из-за Агапова, который был начальником Югославянского отдела Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков, у многих родителей скаутизм-разведчество не пользуется симпатией.

Я, конечно, защищал Агапова, который в моих глазах был русским патриотом, панславистом и одним из главных сторонников национального течения в скаутизме-разведчестве. Он был не только против индейщины, но и против созданной Баден-Пауэллом программы для руководящих курсов в Гилвелле (Англия). Агапов создал свою, русско-югославянскую программу для руководящих курсов, лозунгом которой стали слова из стихотворения Бальмонта “Будем как солнце!”

У меня есть копия письма Агапова скаутмастеру Пантюхову, в котором он берет нас, сараевских руководителей, под защиту, подчеркивая свою объективность тем, что он знает, что мы члены Союза, а в Союзе его не жалуют.

Не ради спора, а только для установления исторической истины, готов обсудить все известные Е. Веденеевой факты “долгой” и “ожесточенной” борьбы НТС с монархистами.

Р. ПОЛЧАНИНОВ

В. КИРИЛЛОВ (Владикавказ)

ПОДЛЕЦЫ И ХРАБРЕЦЫ

В Казахстане осталось несколько миллионов (!) бесправных русских людей, до которых в Эрефии никому дела нет. Они не могут даже получить российское гражданство и влачат тяжкое существование. А товарищ Путин обнимается с Назарбаевым...

Сейчас мы все озабочены законами о миграции и о борьбе с “экстремизмом и национализмом”. Россия наводнена (и дальше наводняется) выходцами из республик, выдавивших русских, или поставивших их в бесправное положение — а нам с высоких трибун твердят о “благах”, что несут России эти мигранты. Многие из них организованы в преступные сообщества, занимаются наркоторговлей и прочими “делами”.

Поэтому “бритоголовые” — грудные младенцы по сравнению с ними — пытающиеся им противостоят, делают то, что обязана делать власть. Но она этого не будет делать никогда, поскольку хакамады-явлинские-немцовы-жириновские в России — случайные люди нерусского духа; завтра, возможно, благополучно переключатся на Запад.

Еще одним преступным деянием власти станет обмен паспортов: в новых будет отсутствовать графа “национальность”. Это колоссальный удар по самой возможности строительства Национальной России, которую раздавят, разворотят мигранты и инородцы.

Мое мнение, что монархические организации не должны отворачиваться от “бритоголовых” — активной части молодежи, выступающей и против коммунизма и против интернационализма, а, напротив, помочь им идеологически! Иначе они зайдут в тупик или их станут использовать псевдопатриоты типа лимоновцев или баркашовцев.

Из “Нашей Страны” узнал

о манифестации в Москве в поддержку полковника Буданова. Об этом, действительно, нигде ничего не сообщалось. Зато глава Чечни Кадыров открыто в эфире говорил о возможной мести Буданову в случае оправдательного приговора!

Хорошо зная обычаи “свободолюбивых горцев”, скажу, что вообще не представляю как к ним могут быть применимы какие-либо “цивилизованные законы”, если сами они их никогда не признавали и признавать не собираются? Напротив, за связь с русскими (“неверными”) чеченок и ингушек убивали собственные родственники. Об этом чеченки сами писали в газету “Аргументы и Факты” — тоже теперь печатающую только нападки на Буданова.

Чеченцы всегда готовы ударить в самый неподходящий момент. Об этом была интересная авторская программа мужественного тележурналиста Михаила Леонтьева. Я навсегда запомнил слезы в его глазах, когда он показывал изуверские сцены пыток и казней устраиваемых чеченцами и призвал народ не оставить их безнаказанными.

За это М. Леонтьеву чеченские боевики угрожали смертью. Нужно обладать немалым мужеством, когда в Москве полно чеченцев и никакой охраны у журналиста нет!

К тому же на него обрушился шквал критики со стороны его продажных коллег и больше я не видел его программ. Его рабочий телефон на ОПТ: (095) 217-94-72 и (095) 217-96-80, а телефон дирекции ОПТ, которой следовало бы выразить протест против замалчивания талантливого и храброго журналиста: (095) 217-73-87 и (095) 217-7680.

Надо поддержать Михаила Леонтьева в трудное для него время!

В. КИРИЛЛОВ

Языковые уродства

МОЯ ГРАЧ ПРИЛЕТЕЛА

Из заметки П. Крючкова о Лидии Чуковской, в “Новом Мире” № 3 за 2002 год, узнаем, что так называлась ее последняя прижизненная работа, посвященная защите русского языка.

Как объясняет Крючков, Чуковскую “удивляло и возмущало выражение “моя врач пришла””.

Удивляет и возмущает оно и нас! Меня когда-то так и перевернуло, когда встретил в письме

из нынешней России, от вполне культурой женщины (когда-то друга моего детства) слова: “У меня очень милая врач”.

Лучше что угодно другое: **врачиха**, как и говорят в народе (хотя образованцы возражают, что это мол значит “жена врача”) или **женщина-врач**.

И, если уж необходим неологизм, хотя и чудовищный, то надо бы **врач**, когда относится к особе женского пола писать **врачь** и тогда уж склонять как **ночь**: посещение **врачи**, **наблюдения**, сделанные **врачью** и т. п.

Аркадий Рахманов

ПЕЧАТЬ

ОПЕРЕТОЧНЫЕ ЗЛОДЕИ

Из статьи В. Брюханова "Заговор графа Милорадовича" в "Литературном Европейце" № 56, выпишем следующую оценку декабристов:

"А ведь когда 11 марта 1801 года убивали Павла Первого, то ситуация для заговорщиков была ни чуточки легче. Но Пален с Бснигсенем были настоящими, а не опереточными злодеями, и не чета Трубецкому с Рылеевым!"

ИДИОТИЗМ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ

В "Новом Русском Слове" от 2 сентября с. г., в статье "Америка глазами старого иммигранта", М. Зальцберг пишет:

"Благополучное американское общество, точно как когда-то русское, заболело чувством вины перед "меньшей братией". От героев Джека Лондона, на примере которых воспитывались поколения американцев, оно повернулось теперь к социальной помойке, из которой и черпает представление о том "делать жизнь с кого".

Стыдно быть успешным, стыдно быть нормальным. Нельзя уроду назвать уродом, идиота — идиотом, гомосека — дефективным. Нельзя черного назвать черным, белого — белым, и. Боже упаси, заговорить о том, что не все равны, не все одинаково талантливы, не все одинаково полезны для общества... Попробуй скажи про гомосека что-нибудь кроме того, что он человек "нетрадиционной сексуальной ориентации". Нет более понятия о приличиях и о нецензурных выражениях, о пристойном поведении и внешнем виде. Все можно, нельзя только открыто осуждать все это".

БРАВЫЙ ЮНКЕР

Из "Вестника Русского Обще-Воинского Союза" № 3-4, узнаем: "В Пензе группа молодых русских патриотов приступила к изданию газеты, посвященной "русской молодежи, поднявшейся в годину смуты на защиту поруганного отечества". Газета пишет:

"Р. Ф. — наследница не революционной, а все той же советской "России". Пора нам понять, что это не наша власть и не наше государство. И ждать от этой власти чего-то хорошего нам не следует".

Орган печати носит название "Юнкер", с уточнением "молодежная монархическая газета".

"По мнению газеты, задача монархистов состоит в том, чтобы отказаться наконец от бесконечных споров и нападок друг на друга, и вместо того сосредоточиться на практической работе духовного, нравст-

венного и патриотического воспитания российской молодежи".

"Подготовка кадров для будущей России", — так определяют важнейшую задачу движения издатели молодежной монархической газеты".

ВОЙНОВИЧ О ЛИМОНОВЕ

"Русская Мысль" от 26 сентября с. г. отводит почти полные две страницы интервью с В. Войновичем. Который не скупится на инсинуации по адресу Солженицына, утверждая, например, что его книги настолько скучны, что их невозможно дочитать до конца. Что вряд ли соответствует действительности...

Но вот выпишем его высказывания относительно Э. Лимонова, не лишенные интереса: "Лимонов — очень способный литератор, яркий. Но совершенно растленный человек. Он любит публику эпатировать самыми разными способами. Раньше он написал роман "Это я, Эдичка", это талантливая книга, но совершенно безнравственная. Потом стал национал-большевиком. Он и его соратники прославляют Сталина, Ленина, Гулага, Берию... Мне почему-то кажется, что его посадили не за книги. А вообще писателя, который нарушает законы, надо судить так же, как и любого другого человека".

ЦАРСТВО ХАМА

"Новое Русское Слово" от 2 ноября с. г. публикует выдержки из дневника подсоветского поэта П. Антокольского. Вот что он пишет в 1965 году:

"Вторая половина XX века — эпоха самых сногшибательных, самых вопиющих противоречий. Грандиозное развитие всяческой техники, совершенные, кажущиеся почти волшебными, методы исследования и анализа, и рядом с этим — самое подлое одичание, такой неприбранный затрапез, такая моральная нетребовательность, такое роковое все равно, которого не знали даже до исторические народы. И это — повсеместно — у нас и в Соединенных Штатах одинаково. На всем, к чему не приглядишься — оттенок хулиганства и хамства. Несмотря на всевозможные предсказания и предупреждения 19-го века о том, что "демократия приходит (или придет, должна придти), опоясанная бурей" — демократия на наших глазах являлась и продолжает являться совершенно по-другому. Так что из всех некогда прозвучавших предсказаний больше всего вспоминается грядущий хам Мережковского. С этим типом сталкиваешься на каждом шагу. С каждым днем и часом этот персонаж (ХАМ) самодеятельнее и тверже на ногах. Его реплики приобрели характер истин в последней инстанции. Он диктует законы, нормы поведения, даже нормы логики".

НЕПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПОИСКИ

"Родину викингов ищут на Дону!" — возвещает А. Шаповалов, в "Новом Русском Слове" от 4 ноября с. г.

Полагаю, не найдут!

Идею подобных поисков, породившую раскопки в Азове, подал недавно скончавшийся норвежец Тор Гейердалль, которого автор заметки называет "знаменитым ученым".

Справедливо было бы именовать его "великим фантазером"! Его гипотеза о заселении Океании из Перу, косяк он прославился, не выдерживает ни малейшей критики в глазах серьезных специалистов, знающих вполне точно, что освоение островов Индонезии, Полинезии и Меланезии их нынешним населением шло из Юго-Восточной Азии. Тогда как более древние здесь аборигены, курчавые и темноволосые, тем уж более не походили на американских индейцев.

Раскопки-то что ж... Вполне вероятно, что обнаружатся, — и впрочем, уже обнаружались, — всякие интересные вещи. Но викинги, если здесь когда и были, то прибывшие с северо-запада.

А уж мифы о предводителе племен Одино, позже якобы превращенном легендами в божество, они и вовсе представляют собою романтические вымыслы.

В общем, как говорится: "Чем бы дитя не тешилось..."

ПАДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

То, что культурный уровень чудовищно снизился (и, как это ни ужасно, продолжает снижаться) в России, это нам всем известно и чрезвычайно горестно.

То, что он и всегда был невысок и, опять же, снижается в Америке, — тоже не секрет.

Но во Франции, с ее старыми традициями, оно все же несколько неожиданно. А вот — идет тот же процесс...

Парижский журнал "Пуэн де Вю" был прежде определенно монархическим. Теперь съехал на тип модного, для скучающих дам и светских снобов.

Но мы сейчас не о том. С удивлением читаем, в номере от 20 ноября 2002 года, сообщение о том, что пороховой заговор (попытка взорвать здание парламента) имел, будто бы место при королеве Елизавете Первой.

А на самом деле было это в 1604 году, при Иакове Первом, первом короле из новой династии Стюартов.

Елизавета же умерла в 1603 году, так что к этому происшествию отношения не имела.

Ну, допустим, невежественный репортер, который пишет об открытии английского парламента в наши дни, дал маху.

Но неужели в редакции никого не нашлось, чтобы исправить?

В. Р.

Антон Громов

КНИГИ ЮРИЯ ШИЛОВА

"Стихи и проза, как два зеркала, в которых отражается жизнь и мир, взаимопроникновение и противостояние с ними". Передо мной две книги поэта: "Последний выезд Дон Кихота" (СПб 1998 г, 247 с.) и "Улица ночи" (СПб 2002, 170 с.). Они весьма необычны. Это не просто сборники стихов и прозы. Но своеобразное подведение итогов, осмысление увиденного и пережитого. Все, что было случайного, временного, лишнего, давно уже обратилось в прах и развеяно ветром времени. Осталось — главное. И потому в его книгах напряженность мысли, откровенность...

Во вступительном слове читаем: "Книги твои похожи на жизнь, они, как паспорт твоей души: — Документы есть? — Есть. Предъявите? Ты лезешь за пазуху и достаешь "Последний выезд..." и "Улицу Ночи". Ряд эссе, среди них "Гамлет", "Идиот" Достоевского, "Человек — Невидимка" (об одиночестве в "пустыне" большого города). Не рассуждения — переживание искусства.

Очерки особенно хороши, в частности — "Кое-что о скрытом геноциде" (стр. 193). Очень интересно его сопоставить с письмом на радиостанцию "Свобода" (стр. 212). Детские

воспоминания о войне и немецкой оккупации. Это, несомненно, очень интересное свидетельство о той эпохе, весьма отличающееся от официальной истории. Мысли не "розового" христианина о смертной казни. Боль за французского собрата — националиста-патриота, обливаемого грязью соотечественниками. О погибшем друге: "Вы уничтожили его, теперь убейте и меня". "Возлюбленную воскрешу и друга", заметьте, возлюбленную, а не любимую. Казалось бы какая разница? Но в ней весь Шилов.

Письма — о литературе, об искусстве, о богословских вопросах. Ничего нового — и все заново, потому что: "Пусть падают слова, как капли крови". Но главное в этих книгах — стихи; да и публицистика его тоже "стихи" — все пропущено через сердце... В заключение, хочу упомянуть об особом разделе, который составляют воспоминания о двух русских поэтах, живших, увы, в советскую эпоху, и подборки их стихов. (Поскольку оба принадлежали к "внутренней эмиграции" их произведения, естественно, не печатались).

Благодаря Юрию Шилову читатели смогут открыть для себя новую, неизвестную страницу русской лирики. Заказать книги можно по адресу: Ju. Chilov, Kreillerstr. 75, 81673 Muenchen, Germany.

Антон Громов

“НОВЫЙ МИР” №№ 5-8 ЗА 2002 ГОД

№ 5. Б. Евдокимов (“На хуторе”) продолжая линию “деревенщиков” (которых теперь как-то мало и осталось), рассказывает о жизни на Дону. Повествование его добротное и красочное. А вывод, если правильно понимаем, тот, что на Земле, если много и тяжело работать, можно себе обеспечить вполне зажиточное существование — и душевный покой. И. Булматы (“Самтредиа”) описывает гонения на осетин в Грузии. Если бы он писал проще, не столь импрессионистским слогом, его “маленькая повесть” сильно бы выиграла.

В отделе “Периодика” приводятся, из “Независимой Газеты”, высказывание И. Шарыгина: “Планируется полное уничтожение российского образования, низведение его ниже уровня церковно-приходской школы. А население России должно заниматься обслуживанием сырьевого комплекса. И немного уметь объясняться по английски. Раб должен знать язык господина”. Веселая перспектива! И до чего это напоминает планы Гитлера!

Согласимся со мнением В. Воропаева, взятым из “Литературной России”: “Набоков писал о Гоголе с позиций атеизма, и поэтому наговорил пошлости”. И на 100 процентов, — со мнением, выраженном в “Посеве”: “Можно ли нам дальше терпеть, чтобы именами убийц наших отцов и дедов назывались наши улицы и города?” С интересом отметим из статьи “Solus Rex” В. Карпенца, во “Дне Литературы”, такие напоминания о любопытных исторических фактах: “Когда Наполеон Бонапарт реально угрожал римской курии, Павел предложил папе предоставить свое покровительство и резиденцию в Полоцке... Те же цели преследовало присоединение Павла к Мальтийскому ордену — русский царь был готов возглавить и защитить все формы сопротивления грядущим буржуазным революциям”. В “Русском Журнале” Г. Павловский выражает предположение: “Неправильная свобода в России не выстоит и опять не удержится”.

Мне редко случается соглашаться с Г. Померанцем; но вполне одобряю его слова в “Вестнике Европы”: “Не случайно Телемская обитель (на воротах которой написано “Делай, что хочешь!”) обернулась колымским лагерем смерти”. Соглашусь и со словами М. Ремизова в “Русском Журнале”: “Западный культ меньшинства — это не культ цветущей множественности, а культ расколотой целостности”. И, тем более, с утверждениями А. Секацкого, в том же “Русском Журнале”: “В основе христианства, как и любой другой всемирной религии, лежит незыблемый принцип: существуют силы, примирение с которыми невозможно. Эти начала именуются “адскими”, “дьявольскими” и “инфернальными” — верующий может и должен им противостоять, попытка же диалога находится принципиально за пределами человеческой компетенции. И вот, начиная с середины XX

столетия мы наблюдаем, как укореняется и распространяется новая массовая ересь в христианстве — ересь всепрощения”.

№ 6. Не знаем какой бес подсунул автору талантливых (хотя порою неправдоподобных) детективных романов Б. Акунину идею сфабриковать пародию на Шекспира. При попытке плюнуть в солнце, плювок часто возвращается плюющему в физиономию. Что и произошло. “Гамлет” по Акунину — сочинение грубое, пошлое и абсолютно антихудожественное. Даже белые стихи у него то и дело хромят, нарушая размер. Повесть С. Шаргунова “Ура!... проститутки, наркоманы, педерасты. “Мне тошнит” — признается автор. Нам тоже. Шаргунов, сам сын священника, описывает расстрел группы духовенства. И кого жалеет? Жертв? Нет — палачей... “Никто не задумывается о мужестве тех простых парней, которые взрывали храмы, рвали окладистые бороды, плевали на иконы”. Нет уж увольте от такого “мужества”!

В “Книге о Шостаковиче”, о М. Ардов собрал воспоминания его детей о домашнем быте композитора. Вот два отрывка: “Он и вся его семья, по существу говоря, были заложниками у преступного и беспощадного режима. И каждое свое слово наш отец был вынужден произносить с оглядкой на всевластных мучителей”. “Я никогда не забуду, как летом 1960 года отец позвал нас в свой кабинет, сказал: “Меня загнобили в партию”. И тут он заплакал”.

Превосходна “Книжная полка Ирины Роднянской” с дельными ее отзывами об интересных авторах, как Бем. Тынянов, Кожин и другие. Отвечая на вопрос, приходило ли ей в голову, что Бог умер, умная и остроумная Роднянская говорит: “Да, я об этом слышала. Но мой жизненный опыт этого не подтвердил”. И приводит “старый анекдот”: “Бог умер” — подпись: Ницше; “Ницше умер” — подпись: Бог”.

В отделе “Периодика” мы читаем позорные слова священника Дмитрия Дудко, взятые из газеты “Завтра”: “К Сталину я очень хорошо отношусь, считаю его мудрым лидером”. Подумать только, что когда-то мы все этого Дудко уважали, видя в нем борца с большевизмом! М. Веллер в “Огоньке” трезво аргументирует, что закон должен охранять жизнь жертвы, а не убийцы. Так что принцип: “Право убийцы на жизнь” является абсурдом. Из “Нового Журнала” цитируется такой пассаж в письме Г. Адамовича А. Бахраху: “В жизни осталось мало хорошего, а поговорить о поэзии Пушкина и преимуществах мальчиков над девочками не с кем”. Да, уж последний-то пункт был для Адамовича главным в жизни! В “Литературной Газете”, Л. Сараскина восклицает: “Мы стоим вплотную к приходу в мир демонов ада”. К сожалению, — она права. То же из “Литературной России” приводится отрывок из статьи Э. Хлысталова “Находка в Кремле”: “Докладная записка наркома

Внутренних Дел Ягоды Сталину, — о запоздалом вскрытии личного сейфа Свердлов. У, сколько золота и паспортов оттуда посыпалось”. Автор статьи приводит также меню тов. Держинского: “Понед. Консомэ из дичи”. Неплохо жил людоед!

№ 7. Коротенький рассказ М. Бутова “В карьере” симпатичен; в нем действуют вполне нормальные люди: исследователь с маленьким сыном ищут палеонтологические останки на полях Подмосковья. Очерк Д. Шеварова “Жизнь окнами в сад”, посвященный памяти Ю. Скобелева, хранителя Чеховского Дома в Ялте, проникнут глубокой любовью к писателю. Чехов, наверное, был бы рад видеть, что у него остались столь верные и преданные поклонники...

Любо-дорого смотреть как Р. Гальцева, в статье “Тяжба о России” расправляется с архиподлым русофобом Алэном Безансом! Пух и перья летят... надеемся, он прочтет и прочувствует. Обозревательница его заслуженно предаст порке, но наказывает (позволим себе перефразировать Дорошевича) “не тем сечением обычным, как секут повсюду дураков”, а таким какого заслуживает бесплатный клеветник и фальсификатор. Ее бы статью хотелось переписать целиком; но приведем одну фразу из начала: “Безансон горюет о заблудших душах славистов попадающих под гипноз этого заколдованного места; он и сам чуть было не попался на удочку; но, слава Всевышнему, скоро отрезвел и, после недолгих колебаний в пользу марксизма, вооружился учением психоанализа, с помощью которого ему приоткрылась вся неистребимая порочность такого людского формирования как русские”. И потом еще одну, с уточнением: “Все это и гораздо “больше” читатель найдет, заглянув в подборку парижской газеты, именуемой почему-то до сих пор “Русской Мыслью”, где в последние годы печатался сериал Безансона под названием “Бедствие века” и другие крутые тексты”.

В отделе “Книжная полка Дмитрия Дмитриева” обнаруживаем рецензию на книгу И. Л. Солоневича, “Две силы”, переизданную в Москве в 2002 г. Причем рецензент сообщает: “За Солоневичем укрепился неординарно слышанный мной странный эпитет — “апологет русского фашизма”. Вот уж подлинно “странный”! Иван Лукьянович никогда фашизму ни в какой форме и ничуть не сочувствовал. С другой стороны, Дмитриев заключает так: “Две силы” — это изложение политической доктрины писателя, сторонника монархического строя, убежденного, что “сквозь февральскую дыру хлынуло что-то поистине сатанинское — бессмысленное, бесчеловечное, безбожное” и наступили антихристовы времена (хочется с этим согласиться)“.

В отделе “Периодика” приводится из “Агентства русской информации” мнение С. Кургияна, выраженное в статье “Прав-

да — почти как смерть”: “Войти в мировое сообщество можно только в том случае, если это сообщество хочет принять тебя туда на какой-то роли. Тогда оно и определит роль. Сейчас эта роль определена прежней формулой: “Хороший русский — это мертвый русский”. В том же отделе цитируется А. Шмелев, резонно напоминающий, что даже если реформа орфографии будет проведена в РФ, она не окажется принудительной за пределами данной страны, даже там, где “русский язык имеет официальный статус (и преподается в школах)... например, в Белоруссии, Киргизии, Молдавии”.

№ 8. И. Поволоцкая. “После меня свет в доме стоит”. Набор коротких отрывков, написанных неприятным, неестественным языком с надуманными стилистическими упражнениями и пустых по содержанию. “Присяга” А. Варламова, напротив, написана хорошим правильным языком. Об университетских студентах, проходящих в летнем лагере военную подготовку, с ее скучной и бессмысленной муштрой.

Как курьез, в журнале воспроизводится первая в печати статья юного К. Чуковского, положившая начало его литературной карьере, — философский этюд на тему о чистом или прикладном искусстве.

Вторая часть статьи Р. Гальцевой “Тяжба о России” затрагивает еще гораздо более глубокие и важные проблемы, чем первая. Основная идея та, что новая Россия должна следовать старой, вечной России, а отнюдь не России советского периода. Автор не говорит и вероятно даже не думает о монархии. Но логически рассуждая, из ее мыслей вытекает именно необходимость восстановления в России монархии, которая являлась основным стержнем прежней христианской и православной России.

Ф. Дзядко рецензирует изданные в Москве в 2001 г. в форме сборника “Ранние работы по истории русской поэзии 18 века” Г. Гуковского. Профессор Гуковский читал нам в Ленинградском Университете, когда я был студентом, курс русской литературы, правда не 18, а 19 века, в частности пушкинского периода. Лектор он был блестящий, незабываемый; слушать его приходили толпою студенты других факультетов, — что было тогда редкостью... В рецензии воспроизводятся слова Гуковского в его книге 1927 г. (“Русская поэзия 18 века”): “Мало кто интересуется поэзией 18 века: никто не читает поэтов этой отдаленной эпохи”, — по которой он был специалистом. Я-то читал и его книгу, и этих поэтов (тогда и позже) и много в них находил интересного.

Отметим еще, в отделе “Периодика”, характеристику Блока, данную М. Тартаковским в журнале “Москва”: “Ущемленная сексуальность, она же ненависть к норме, она же тяга к смерти, она же — революционность Александра Блока”.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

“РЕАБИЛИТАЦИЯ” ЦАРЯ

Нам пишут из Лондона:

Некий Ник Уолш опубликовал статью в “Гардиане” под названием “Россия готовится к реставрации Романовых”, в которой утверждает, что путинская комиссия приняла решение “реабилитировать” Императора Николая Второго и его Семью.

Известная общественная деятельница Людмила Фостер направила “Гардиану” письмо, в котором опровергла повторенные Уолшем советские утки будто Царскую Семью судили, (никакого суда не было), екатеринбургские большевики приняли решение убить Императора самолично (на самом деле инструкции пришли из Москвы), Царская Семья была “казнена” (она была убита тайком, а ее останки спрятаны). Ленин якобы был возмущен убийством (Троцкий упоминает сказанную ему Свердловым фразу: “Ильич и я приняли это решение”).

То, что готовится “реставрация Романовых”, тоже является ложью — Путин заявил по телевидению, что об этом не может быть и речи.

“НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР”

Нам пишут из Москвы:

В рецензии на переизданный роман Ивана Солоневича “Две силы” журнал “Новый Мир” написал:

“Об Иване Лукьяновиче Солоневиче широкий круг отечественных читателей впервые узнал из “Архипелага ГУЛАГ”, но еще долго его имя продолжало оставаться в тени. В 1991 году в журнале “Дон” были опубликованы отрывки из “России в концлагере” и вышла большая статья И. Дьякова в журнале “Наш Современник”.

Стараниями Михаила Смоли-

на, кандидата исторических наук, составителя серии “Пути русского имперского сознания”, выпускаемой редакцией журнала “Москва”, вышло уже четыре книги Ивана Солоневича. (Нельзя не упомянуть также еще одного серьезного исследователя жизни Солоневича — Игоря Вороница, заместителя главного редактора газеты “Монархист”.) Лучшая из них — “Россия в концлагере”, уникальный роман на автобиографическом материале, достойный миллионного тиража.

Сын будущего редактора столыпинской газеты “Северо-Западная жизнь”; известный спортсмен, занявший второе место в России по гиревому спорту и побеждавший “на руках” самого Ивана Поддубного; руководитель спортивного студенчества при атамане Дутове во времена корниловского мятежа; секретный агент белогвардейцев; узник Одесской ЧК; видный профсоюзный работник — вот неполный “послужной список” Солоневича до того момента, когда он (вместе с сыном Юрием и братом Борисом) попал в советский лагерь. После побега оттуда начинается вынужденное путешествие Солоневича по странам и континентам: Финляндия — Германия — Болгария — Германия — Аргентина — Уругвай; написание книг, каждая из которых направлена на борьбу с главным врагом — коммунизмом.

“Две силы” — политический

и авантюрный роман, публикация которого началась в до сих пор существующей в Аргентине русской эмигрантской газете “Наша Страна”. По признанию самого Ивана Солоневича, в литературном отношении роман уступает “России в концлагере”. Это действительно так — уступает, но невольно вспоминаешь лукавые слова писателя о том, что он “был слишком косноязычен” даже для школы прапорщиков. Роман читается как настоящий национальный бестселлер. Обидно только, что дописан он был, после смерти писателя, братом Борисом — контраст виден невооруженным глазом.

“Две силы” — это, с одной стороны, нарочито проничное повествование, подчас напоминающее Зоценко и Ильфа-Петрова, с математически выверенным детективным сюжетом, при поверхностном прочтении почти фарсовое, что подтверждают, например, говорящие фамилии. Но налет фарса настолько тонок, что не мешает относиться к повествованию всерьез. При том, что Иван Солоневич всегда говорил, что добро и зло кристаллизуются в борьбе, положительные (условно) герои романа изображены отнюдь не однопланово и схематично; а отрицательные — это прежде всего серьезные противники: “Глупых людей в этом учреждении не было вообще, либо были только на самых низах...” Читая роман Солоневича, отчего-то вспо-

минаешь Владимира Войновича — он отдыхает”.

ОТТО ГАБСБУРГСКИЙ

Нам пишут из Мюнхена:

В интервью газете “Цур Цайт” бывший председатель Европейского Парламента эрцгерцог Отто Габсбургский, говоря о России, утверждает: “Конечно, коммунизм, каким он был при Сталине, не вернется. Но появляется национал-социализм, разумеется, не в том виде, в котором он был при Гитлере, а с Путиным, создающим жесткую систему внутри страны”.

Эрцгерцог заявил затем, что “американцы хотят нанести удар по Ираку и посадить демократическое правительство; оно, однако, будет состоять из чистых мошенников”.

Ведущие позиции в Министерстве Обороны США, согласно 90-летнему Отто Габсбургскому, “занимают евреи; Пентагон сегодня еврейское учреждение, забота которого заключается в том, чтобы защитить Израиль”.

“ЕВРЕЙСКИЕ СОЛДАТЫ ГИТЛЕРА”

Нам пишут из Нью Йорка:

Бывший офицер израильской армии и морской пехоты США

Брайан Марк Ригг опубликовал труд: “Еврейские солдаты Гитлера: нерассказанная история нацистских расовых законов и людей еврейского происхождения в германской армии”. Подсчеты и выводы Ригга звучат сенсационно: в немецких войсках на фронтах Второй Мировой воевало до 150 тысяч солдат, имевших еврейских родителей или бабушек с дедушками.

Автор утверждает, что несмотря на юридическую “подпорченность” людей с еврейскими генами и невзирая на пропаганду, десятки тысяч “мишлинге” преспокойно жили при нацистах. Они обычным порядком призывались в Вермахт, Люфтваффе и Кригсмарине, становясь не только солдатами, но и частью генералитета на уровне командующих полками, дивизиями и армиями.

Сотни “мишлинге”, по словам Ригга, были награждены за храбрость Железными Крестами, и Гитлер лично выдал тысячи удостоверений об арийском происхождении тем же детям и внукам евреев. Согласно Риггу, имел еврейское происхождение и Рейнхард Гейдрих, любимец Гитлера, контролировавший Гестапо, криминальную полицию, разведку и контрразведку.

PRO DOMO SUA

С чрезвычайно неприятным чувством прочел образцы некой “Хроники Русского Зарубежья” под редакцией г-на Л. Мнухина.

Мое имя в ней дается в безобразно изуродованном виде.

В присланном мне формуляре меня просят уточнить время моей смерти и место захоронения (термин чисто советский и довольно-таки омерзительный).

Жаль, что мы, Российская Эмиграция, не написали вовремя своей истории! Теперь ее сочиняют люди, которых следовало бы попросить ее не касаться.

Подчеркнем, по меньшей мере, что мы не причастны к той дезинформации, какая теперь усердно подается вместо информации.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ВЕСТНИК РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА № 3-4

можно выписывать по адресу
представителя Общества Галлиполийцев
в США Я. Л. Михеева:
Mr. Y. Miheyev, 1166 Rockhaven Court, Salinas,
CA. 93906-5019, USA.

ОПЕЧАТКИ

В рецензии В. Рудинского на “Новый Мир” № 4 за 2002, (“НС” № 2717-18) в месте где упоминается роман А. Азольского “Диверсант”, следует читать: “16-летний мальчишка из патриотизма завербовывается в Красную Армию...”

В № 2717-2718, следует читать **обсценная** лексика (от латинского слова **obscoenus**), а не **обесценная**.